

М. Б. КУЗЕНИЦ

Скромность большевика, стиль ученого

Яна Борисовича Гамарника мне довелось знать на протяжении ряда лет в бытность его председателем Дальневосточного ревкома, а затем первым секретарем Дальневосточного крайкома партии. Я в то время работал секретарем Далькрайкома комсомола и в аппарате крайкома партии.

Мне приходилось встречаться с ним в разных условиях и при различных обстоятельствах: не только на заседаниях Дальневосточного бюро ЦК РКП(б) и пленумах, на съездах и конференциях, но и за деловой беседой, в командировке.

Прошли с того времени десятилетия. Конечно, многое стерлось, позабылось, но основные черты стойкого большевика и та-

лапшливого деятеля партии, простого и скромного человека прочно запечатлелись в моей памяти. Некоторыми своими воспоминаниями я и позволю себе поделиться с читателями.

Развитие комсомольского движения на Дальнем Востоке проходило в весьма сложной и своеобразной обстановке, связанной с общими политическими условиями. Стоит вспомнить, что Владивосток был освобожден от интервентов и белогвардейцев в 1922 году, что на Дальнем Востоке в течение некоторого времени существовало так называемое буферное государственное образование — Дальневосточная республика — со своим парламентом, правительством, внешними сношениями, политическими партиями.

Сказывалась тогда и отдаленность от центра — Москвы. То, что для центральных областей Советской России было уже давно как бы пройденным этапом, на Дальнем Востоке только «усваивалось и осваивалось». В полной мере это относилось и к деятельности комсомола. Для успешного развития молодежного движения в этом крае особое значение имело повседневное, конкретное партийное руководство.

В этом отношении нам, прямо скажем, повезло. Ян Борисович настолько глубоко, всесторонне понимал задачи комсомола, его повседневные нужды, как будто сам был комсомольским работником. Да и внешность его располагала к себе молодежь: красивое, умное лицо, обрамленное бородой, лучистые глаза, приветливая улыбка. И манера держаться с людьми обаятельная — простой, общительный.

В отношении к нам, к его активу, у Яна Борисовича не было ничего покровительственного, навязчивого, «дидактического» (чего греха таить, некоторые считают покровительственное отношение признаком хорошего тона). Отношение всегда ровное, требовательное и вдохновляющее. Никакого «похлопывания по плечу», никакой риторики и всякого рода риторических эпитетов («наша славная молодежь»), никаких скидок на возраст. Помощь и совет везде, всегда и во всем — когда и где это необходимо.

Как-то Ян Борисович позвонил в крайком комсомола.

— Кузениц, вы не смогли бы зайти ко мне?

К слову — знаю по себе и по рассказам других, — Ян Борисович никогда не вызывал к себе людей в беспрекословном тоне: зайдите, и все тут. Обязательно узнает возможность явиться в предлагаемое им время.

И вот Ян Борисович говорит:

— Был у меня секретарь Борзинского укома партии Зызо, беседовали на разные темы, попутно затронули и комсомольские дела. Хотя подробной беседы по этому вопросу не было, но у меня сложилось впечатление, что комсомольские руководители в Борзе

уж чересчур «революционеры» и погибают. Проповедуют они там какой-то аскетизм. Надо бы вам съездить, пожить там немного и посмотреть что к чему.

Столкнулись мы в Борзе с весьма оригинальной ситуацией. Дочь квартирохозяйки-казачки, где жил комсомольский секретарь Дмитрий Мишин, была комсомолкой. Ее украшали длинные черные волосы, да и сама была красавица. Так вот — комсомольский актив поставил вопрос, что длинные волосы надо срезать. Мотив очень «убедительный»: за волосами надо ухаживать, мыть, плести, подбирать к ним ленты... На это уходит много времени, а его нужно употреблять на комсомольские дела. Одним словом, длинные волосы и косы наносят ущерб комсомолу, и мораль сей басни такова — срезать косы. Сама-то комсомолка готова была на самопожертвование. Но мать... ни за что! Но и это еще не все. По Борзе прошел слух — у всех девушек остригут косы. И вот началась «гражданская война» в семьях. Пришли в движение мамы: «Заберем своих девочек из комсомола, пока не поздно». Те в слезы. Не все устояли...

Впоследствии все окончилось благополучно. Косы остались. Мамаша успокоилась.

После этого были мы (я и Климов — секретарь Забайкальского губкома КСМ) у Яна Борисовича с докладом о поездке в Борзю.

Ян Борисович взял со стола статистическую сводку роста и движения комсомола на Дальнем Востоке и, обращаясь к нам, сказал:

— Важен факт. Но не менее, а еще более важен урок, который следует извлечь. Предположим, что Зызо не был у меня и вас в Борзе тоже не было. Сколько посуды перебило бы комсомольское руководство на месте? А вот если бы вы внимательно и вовремя проанализировали борзинские цифры, то сразу заметили бы, что там в последнее время, при продолжающемся общем росте комсомола, количество девушек-комсомолок не увеличивается, а даже уменьшается. Достаточно было вникнуть в эти цифры, и все бы выявилось, а главное — намного раньше. Зачем, собственно, составляют статистические отчеты? Для подшивки, для отсылки в центр? Цифры — это отражение реальных жизненных процессов. Все, что делается, — делается во имя чего-то, для чего-то... Чехов как-то сказал, что если на сцене в первом акте висит ружье, то в последнем оно должно выстрелить, в противном случае бессмысленно его вывешивать на сцене. Если ведется статистика, то ведь ее надо изучать и пользоваться ею для руководства.

Борзинский урок крепко засел нам в голову. Был у нас в комсомольском активе элемент пренебрежения к цифрам. Бумага,

мол, — это канцелярия, а канцелярия — значит, бюрократизм. Ребята на местах не случайно не любили всякую документацию. И тут нам Ян Борисович Гамарник наглядно показал, что бумага и цифры тоже могут нести полезную службу. Надо только творчески к ним относиться, вдумчиво анализировать.

Ян Борисович имел обыкновение посещать массовые собрания на предприятиях и в коллективах. Садился где-нибудь подальше и слушал. Правда, оставаться незамеченным ему не всегда удавалось — выдавала знаменитая борода. Такое участие в рабочих собраниях давало ему массу материала, который не выудишь ни в какой официальной беседе, ни в докладных записках и даже в разговоре «по душам» с одним человеком. А потом щедро делился этим материалом, заставлял работать.

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке